

— Конечно, нет!

Громкий, ясный голос раздался у входа в Павильон Ванцин. Все подняли головы и увидели двух юношей в поношенных одеждах. Тот, что шел впереди, держался скромно, но с достоинством, его облик был благороден и притягателен; следовавший за ним юноша светился живостью и энергией.

Однако их одежда выглядела настолько жалко, что сидящие в зале отпрыски клана Се начали перешептываться, одаривая вошедших презрительными взглядами. Сяхоу Лянь уловил обрывки фраз: откуда взялись эти попрошайки, пришли сюда бесчинствовать? Или: это из наших? Никогда их не видел.

Се Цзинлань, не сводя глаз с цели, громко произнес:

— Ученик Се Цзинлань приветствует Господина Дай. То, что сказал мой старший брат, не соответствует действительности, прошу вас, господин, рассудить по справедливости.

— Неужели ты думаешь, что я, молодой господин, стану возводить на тебя напраслину? Се Цзинлань, ты крал, и это видели многие! Хочешь, я позову их сюда для очной ставки? — Се Цзинтао вскочил, ударив по столу, и, покраснев до корней волос, начал запальчиво спорить.

Се Цзинлань слегка улыбнулся и с учтивостью ответил:

— Разве я когда-нибудь воровал имущество старшего брата? Я всего лишь подобрал в кладовой книги, которые брат выбросил.

— Разве книги — не имущество? За каждый экземпляр, напечатанный в нашем Зале Культуры и Словесности, заплачено немало монет! К тому же я хранил их в кладовой, а не выбрасывал. Ты взял их без спроса, а это и есть воровство!

— Брат, успокойся, это лишь недоразумение. У меня слабое здоровье, а госпожа — женщина благородная и милосердная, она разрешила мне не посещать занятия в школе. Но я давно лелеял мечту прикоснуться к словам мудрецов. Увы, я беден, и у меня нет выделенных средств, поэтому я отправился в кладовую и попросил те книги, которые брат счел ненужными. Управляющий кладовой дал на это разрешение. Вероятно, брат просто не спросил у него и решил, что я украл их. Сегодня как раз удобный случай, чтобы во всем разобраться.

После этих слов всем стало ясно: законная супруга главы клана невзлюбила незаконнорожденного сына и запретила ему учиться. Парню не оставалось ничего иного, как подбирать старье за старшим братом, чтобы хоть как-то заниматься, а тот теперь еще и не дает ему прохода, ложно обвиняя в краже.

Се Цзинтао явно зашел в тупик, открыв рот и не зная, что ответить.

В этот момент подал голос Се Бинфэн:

— Тао-эр, раз уж ты по ошибке оклеветал человека, не пора ли извиниться?

Се Цзинтао пришлось пойти на попятную. Он сухо усмехнулся:

— Да-да, старший брат не разобрался, виноват, обидел младшего.

Оба улыбались неестественно, разыгрывая сцену братской любви и уважения, от которой Сяхоу Ляня чуть не стошнило.

Се Цзинлань дал Се Цзинтао возможность красиво выйти из положения, но это было вынужденной мерой: он не мог позволить этому тупице потерять лицо, особенно перед Дай Шэнъянем. Ведь если сегодня он не станет учеником Дай Шэнъяня, то вся эта затея была лишь позором, и тогда этот жирный дурак разделается с ним в два счета.

Се Бинфэн повернулся к нему и, изобразив добродушную улыбку, спросил:

— Я никогда не видел тебя раньше. Ты из боковой ветви клана Се? Кто твои родители? Если дома туго с деньгами, можешь получить в конторе серебра на хозяйственные нужды. Как поправишься, приходи учиться в родовую школу, платить за обучение не нужно.

Как только эти слова прозвучали, в зале воцарилась мертвая тишина.

Что за чертовщина?

Се Бинфэн не узнает собственного сына?

Сяхоу Лянь с изумлением смотрел на мужчину средних лет, сидящего во главе стола. Тот был разодет в богатые одежды, лицо всегда выражало суровость, руки лежали на коленях — сидел он чинно и благородно, словно на лбу у него было написано: благородный муж. Но стоило Сяхоу Ляню увидеть его, как он вспоминал ту самую «Иллюстрированную книгу о радостях спальни», и кто знает, не прячет ли он где-нибудь еще «Тайные методы нефритовых покоев» или «Пикантные забавы весенней ночи». Так что титул благородного мужа в глазах Сяхоу Ляня мигом сменился на лицемера.

Се Цзинлань побледнел, пальцы его, сжатые в кулаки под рукавами, побелели.

Отпрысков клана Се было много, и поскольку Се Цзинлань годами не выходил из Двора Осеннего Тунгового Древа, мало кто его знал. Кто-то из присутствующих, не понимая сути дела, решил поддержать разговор:

— И то верно, наш главный клан всегда отличался щедростью. Ты из боковой ветви, нам следует помочь тебе.

Эти слова были подобны соли на рану. Се Цзинлань едва устоял на ногах. Он оцепенело смотрел на Се Бинфэна. Бесчисленное количество раз во время праздников или жертвоприношений он вместе с другими юношами клана кланялся ему, бесчисленное количество раз провожал его, стоя в самом конце вереницы домочадцев, когда тот отправлялся в столицу.

Он и сам забыл, что никогда не стоял к этому человеку так близко, и что этот человек вообще не знает его в лицо.

Се Цзинтао тоже опешил и пробормотал:

— Какая еще боковая ветвь? Отец, это же Се Цзинлань, твой третий сын!

Се Бинфэн застыл, открыв рот. Он долго смотрел на Се Цзинланя, не в силах произнести ни слова. Наконец ему удалось взять себя в руки, но на его лице читались удивление, неловкость и стыд — однако в нем не было ни капли раскаяния.

Сердце Сяхоу Ляня сжалось от горечи. Он невольно подошел ближе к Се Цзинланю и тихонько сжал его ледяную ладонь.

Се Бинфэн натянуто рассмеялся:

— Ха-ха, Цзинлань, ты так вырос! Отец слишком долго был в отъезде и совсем позабыл твое лицо. Не сердись на меня.

Сяхоу Лянь подумал: даже если лицо забыл, неужели и имя вылетело из головы? Неужели имя Цзинлань дал ему вовсе не он?

Голос Се Цзинланя звучал глухо, будто срываясь:

— Отец трудится день и ночь, государственные дела отнимают все силы... Цзинлань... понимает.

— Прошу, присаживайтесь, юные друзья, — поспешил сгладить неловкость Дай Шэнъянь. — Кстати, этот юный друг еще не назвал своего имени. Ранее я издали заметил, как вы плавали на лодке, я бы с удовольствием познакомился с вами.

Сяхоу Лянь простоял довольно долго, прежде чем понял, что в зале сидят только отпрыски клана Се, нет ни книгонош, ни слуг. Он сложил руки в приветственном жесте:

— Я Сяхоу Лянь, книгоноша молодого господина Цзинланя. Я поторопился и не знал, что здесь не нужны слуги. — Он запнулся, бросил взгляд на рассеянного Се Цзинланя и, не в силах оставить его одного, добавил: — Наблюдая за тем, как учится господин, я и сам проникся уважением к мудрости святых. Прошу господина проявить снисходительность и позволить мне послушать.

— Разумеется, — кивнул Дай Шэньян. — Как я могу препятствовать тому, кто стремится к знаниям?

После чаепития прежний фарс словно смыло водой, и все как один забыли о том, что произошло. Дай Шэньян погладил кончики своих гордо закрученных вверх усов и прочистил горло. Как рассказчик, ударяющий по дощечке, он добился того, что в зале воцарилась тишина. Все взоры устремились на его сморщенный рот в ожидании слов.

— Позвольте спросить, юные друзья: ради чего вы корпите над книгами мудрецов?

Все переглянулись. Ради чего?

Разве не ради чинов и богатства? Если бы не экзамены, кто стал бы целыми днями зубрить эти старые тексты?

А если говорить возвышенно, то сводится все к одному: совершенствовать себя, навести порядок в семье, управлять государством, чтобы принести мир Поднебесной. Эти высокие рассуждения о том, как укрепить державу и усмирить смуту, любой мог выпалить без запинки. Эти слова у всех ученых мужей прошлых династий уже набили оскомину и давно утратили смысл.

Однако мысли Се Цзинланя были совсем другими.

Он четко и ясно осознавал свои желания.

Ему никогда не было дела до управления государством или спасения мира. Его не интересовало, сколько пирожков продал торговец на улице или сколько человек похоронено на заброшенном погосте. Не волновало его, где случилась засуха, а где наводнение. Даже если бы мир потонул в крови, если бы он мог спокойно сидеть в своем доме — какая ему до этого разница?

Все, чего он хотел — это чтобы люди клана Се, которые забыли его, унижали и ненавидели, однажды склонились у его ног в слезах и горько раскаялись в содеянном!

Одно лишь воображение этой сцены заставляло его кровь кипеть от восторга. Эта радость поддерживала его, когда он, привязав волосы к балке и колюсь шилом в бедро, до головокружения вбивал в себя этот бред мудрецов.

Но он должен был хранить эти мысли глубоко внутри. Ему приходилось притворяться мудрым, заботящимся о благе народа господином, тщательно пряча свои темные и грязные помыслы под маской кротости, не выдавая себя ни на йоту.

Се Цзинлань, чье сердце было изранено родным отцом, невольно все дальше уходил по кривой дорожке. Лоза ненависти пускала корни в его душе, сплетаясь в запутанный узел. Все это скрывалось под личиной слабого юного господина, и лишь привычная улыбка на его лице

никак не могла стать искренней.

Сяхоу Лянь ткнул его в бок, Се Цзинлань сжал ладонь Сяхоу Ляня и прошептал:

— Не волнуйся.

Се Цзинтао, не зная, откуда в нем столько уверенности, ответил первым:

— Ученик делает это ради того, чтобы совершенствовать себя, навести порядок в семье, управлять государством и принести мир Поднебесной, как и подобает истинному мужу.

Дай Шэнъянь не сказал ни да, ни нет, лишь покачал своей сухой головой на тонкой шее, указывая на следующего.

Второй молодой господин Се Цзиньтань ответил:

— Ученик не обладает широкими взглядами и не стремится объять мир, я лишь желаю успеха в делах и беззаботной жизни.

Дай Шэнъянь улыбнулся:

— Хоть эта цель и не охватывает весь мир, но достичь ее не менее трудно.

Все присутствующие ответили, очередь дошла до Се Цзинланя. Учитель перевел взгляд на него и слегка кивнул.

Се Цзинлань отвесил глубокий поклон:

— Ученик невежественен, я лишь прошу, чтобы моя совесть была чиста, поступки — безупречны, а сердце — свободно от ненависти к людям.

Его тон был ровным, словно ничего не произошло.

Дай Шэнъянь смотрел на него с грустью: клан Се деградировал из поколения в поколение. Когда-то он по глупости принял в ученики их бестолкового отца, а теперь, не в силах отказать в настойчивых просьбах Се Бинфэна, пришел в поместье лишь для вида. И верно, отпрыски клана становились все хуже и хуже: не только видом не вышли, но и умом не блещут.

Однако он не ожидал увидеть среди кучки разряженных петухов белого журавля. Но этот журавль был слишком упрям, слишком прямо держал спину — боялся, что рано или поздно сломается.

Дай Шэнъянь прожил достаточно долгую жизнь и повидал немало людей. Этот маленький лицемер Се Цзинлань не мог обмануть его проницательный взгляд. Сжатые кулаки,

покрасневшие уголки глаз, слишком напряженная спина — все это выдавало, что юноша вовсе не так спокоен, как хочет казаться.

Он просто из последних сил старался сохранить то небольшое достоинство, что у него осталось.

Выслушав всех, Дай Шэнъянь кивнул только Се Цзинланю. Все поняли ответ, и Сяхоу Лянь облегченно выдохнул — поездка не была напрасной.

Се Цзинлань при всех совершил обряд посвящения. Дай Шэнъянь помог ему подняться. Его руки, похожие на костлявые лапы, ухватились за предплечья Се Цзинланя. Стояла лютая зима, на Се Цзинлане было много одежды, но он все равно чувствовал, как руки учителя обжигают, словно раскаленное клеймо, готовое прожечь ткань насквозь.

— Цзинлань, у тебя ведь еще нет второго имени?

— Ученику еще не исполнилось двадцати, я не успел выбрать имя.

— Ничего, — Дай Шэнъянь посмотрел на своего юного ученика. В его мутных глазах промелькнула ясность. — Ты испил горькую чашу, сердце твое твердо, как скала, воля непоколебима, но характер слишком упрям, а сердце слишком ожесточено. В будущем ты станешь либо великим праведником, либо великим злодеем. Я нарекаю тебя «Иань» — да будешь ты жить легко и в покое, следуя велениям сердца, не зная сожалений.

— И помни: мир жесток, цени в себе доброту.

Се Цзинлань почувствовал себя так, словно его облили ледяной водой — холод пробрал до самых костей. Казалось, Дай Шэнъянь насквозь увидел те грязные мысли, которые он так старательно скрывал.

Разве можно говорить о чистой совести, когда единственное, что может искупить годы унижений — это поклоны и мольбы клана Се?

Разве можно говорить об отсутствии сожалений, когда лишь власть над жизнью и смертью может принести удовлетворение?

Разве можно не питать ненависти к людям, когда только их падение в грязь может принести покой?

Дай Шэнъянь видел все то, о чем он умолчал. Се Цзинланю было некуда деться от стыда, ему хотелось бежать куда глаза глядят. Он не понимал, почему, видя все это, Дай Шэнъянь все же принял его в ученики?

Он с трудом поклонился и поблагодарил:

— Ученик запомнит наставления.

Сяхоу Лянь полдня слушал их беседу, так и не поняв, хвалил этот костлявый старик Се Цзинланя или ругал. Да и плевать. Главное, что его приняли в ученики.

Хоть он и не понял смысла слов, зато видел полные ненависти взгляды вокруг. И пусть не он стал учеником, но его гордо задравшийся хвост взмыл до небес, и он, не обращая внимания на завистников, важно последовал за Се Цзинланем прочь из Павильона Ванцин.

Всю дорогу Се Цзинлань молчал, лицо его было бледным, а вид еще болезненнее, чем обычно.

Гордость Сяхоу Ляня мгновенно улетучилась. Он шел рядом, не зная, что делать: он любил шумные компании, и тишина заставляла его чувствовать себя неловко. Се Цзинлань сначала получил удар по самолюбию от родного отца, а потом стал учеником Дай Шэньяня — одна беда сменялась радостью, и он не знал, утешать его или поздравлять.

Любое слово казалось неуместным.

Вдруг он что-то придумал, быстро обогнал Се Цзинланя и крепко обнял его. Се Цзинлань вздрогнул от неожиданности, начал вырываться и прошипел:

— Что ты делаешь!?

Сяхоу Лянь прижал его к себе крепче — Се Цзинлань давно знал, что у того много сил, и вырваться не удалось.

— Моя мама говорила, что когда на душе тошно, нужно просто обняться. Молодой господин Цзинлань, кроме мамы, я никого не обнимал. Так что тебе повезло.

Се Цзинлань перестал сопротивляться. Он уткнулся лицом в плечо Сяхоу Ляня и долго, очень долго молчал. Вдруг он почувствовал холод на щеке, а во рту ощутил соленый привкус. Чтобы Сяхоу Лянь не понял, что он плачет, он нарочно холодно произнес:

— Мне не нужна твоя жалость!

К сожалению, он был плохим актером: в голосе сквозила такая горечь, что скрыть ее не удалось.

Сяхоу Лянь отпустил его, схватил за запястье и бросился бежать.

— Эй, что ты делаешь?! — воскликнул Се Цзинлань.

Сяхоу Лянь молчал, увлекая его за собой. На пути они сбили нескольких слуг, вызвав поток брани. Ветер обжигал лицо, легкие Се Цзинланя горели, словно старые кузнечные мехи, в которые изо всех сил дул мастер. Холодный воздух, попадая в рот, превращался в горячий пар,

а слезы на щеках высыхали на бегу.

Он притащил его к стене за кухней. Сяхоу Лянь велел ему стоять на месте, сам уперся ногами в стену, ухватился за край и ловко перемахнул внутрь. Се Цзинлань, задыхаясь от быстрого бега, не успел остановить этого нахального негодяя.

Он был в ярости. Оглядевшись и убедившись, что никого нет, он изо всех сил вскарабкался на стену. И лучше бы он этого не делал — увиденное повергло его в шок. Этот мерзавец пролез в окно кухни, где сустились слуги и повара. Никто не заметил незваного гостя. Сяхоу Лянь, сгорбившись, на цыпочках, как кот, пробрался к печам, ухватил кувшин вина, спрятал его за пазуху и выпрыгнул обратно.

Когда Сяхоу Лянь прыгнул со стены, сердце Се Цзинланя, чуть не выскочившее из горла, наконец немного успокоилось. Он схватил Сяхоу Ляня за воротник и принялся ругать:

— Ты вообще что творишь!?

— Спокойно, спокойно, — мягко и ласково заворковал Сяхоу Лянь, пытаясь утихомирить разозленного Се Цзинланя. — Вино разгоняет печаль и помогает праздновать радость. Как раз то, что нужно. Пошли, выпьем!

Сяхоу Лянь притащил его в укромное местечко. Зная, что Се Цзинлань брезглив, он семь или восемь раз протер рукавом камень, прежде чем позволил ему сесть.

Сяхоу Лянь сделал глоток, глаза его прослезились от остроты, и он протянул кувшин Се Цзинланю. Тот отказался — он не пил, а чужого тем более. После долгих уговоров он все же с неохотой приподнял кувшин и сделал глоток. Как только вино коснулось языка, он пожалел об этом и закашлялся так, что перехватило дыхание.

Сяхоу Лянь расхохотался. Немного погодя он сказал:

— Господин, я не жалею вас. Я просто не могу смотреть, как другим плохо. Если вам плохо, то и мне плохо. К тому же, чего вас жалеть? Руки-ноги на месте, одеты, обуты, еда есть. Можете учиться, сдавать экзамены, вас ждет блестящее будущее. Чего тут жалеть?

— На свете полно людей, которым куда хуже. Когда я странствовал с мамой, насмотрелся всякого: мужчин, покрытых язвами от жутких болезней; слуг, которых хозяева забивали до полусмерти и выбрасывали на погост помирать; стариков, у которых сыновья погибли на войне, а дома осталась лишь невестка да ребенок на руках. А вы? Ну да, отец не любит, мать не жалуется — по сравнению с ними вы живете в раю.

Се Цзинлань открыл рот, но ничего не сказал.

— Как там старик назвал ваше второе имя? «Иань»? Мне кажется, вы живете вполне легко и

спокойно. Тяжелее ложки ничего не поднимали. А когда в горах был голод, я бывало днями корочку хлеба не видел.

Се Цзинлань, кажется, начал понимать, что для Сяхоу Ляня означает слово «бедствие».

В глазах Сяхоу Ляня беда — это когда нечего есть, нечего носить и ты одной ногой в могиле. Только человек с такой широкой душой мог так рассуждать. Разве можно сравнивать боль плоти и боль души? Но все же ему стало любопытно, какой была жизнь Сяхоу Ляня прежде. Кажется, не такой уж радужной.

— Ты сказал, что мать странствовала с тобой по всей стране. Может, она была главой театральной труппы?

<http://bllate.org/book/26257/3145231>